

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Марии Викторовны Кюсевой

«Физические свойства в русском жестовом языке в типологическом освещении», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация М. В. Кюсевой посвящена лексико-типологическому исследованию семи признаковых полей функциональной, экспериенциальной, временной, тактильной и визуальной семантических зон в русском жестовом языке.

Поставленная в диссертации задача чрезвычайно актуальна. Учет в типологических исследованиях материала языков визуальной модальности необходим для изучения языковой способности человека и когнитивных основ языка. При этом данные жестовых языков стали включаться в типологические выборки сравнительно недавно, и существующие работы в основном касаются грамматических явлений, тогда как соответствующие лексико-типологические исследования пока немногочисленны. Русский жестовый язык (РЖЯ), на материале которого выполнена диссертация М. В. Кюсевой, является предметом систематических лингвистических исследований лишь в течение последних полутора десятилетий. По сравнению со многими другими жестовыми языками он до сих пор остается гораздо менее изученным, в частности, крайне мало пока исследована его лексика. Работа М. В. Кюсевой – четвертая диссертация об РЖЯ и первая, посвященная анализу его лексической системы.

Диссертация состоит из четырех глав. Первая глава вводит в проблематику лингвистики жестовых языков, дает представление о жесте как лексической единице. Особое внимание в ней уделяется различиям между ядерной и периферийной лексикой жестовых языков. В этой же главе приводится социолингвистическая характеристика русского жестового языка. Вторая глава посвящена методологии исследования. В ней подробно

обсуждаются методы, используемые при анализе лексики звуковых языков, рассматриваются существующие работы по лексико-жестовых языков и используемая в них методология и описывается методология, принятая в данном диссертационном исследовании. Две последующие главы посвящены лексико-типологическому описанию признаковых полей в РЖЯ. Материал исследования распределен между этими главами таким образом, что в третьей главе анализируются поля, представленные исключительно ядерными жестами (поля ‘тупой’, ‘тяжелый’, ‘мокрый’ и ‘старый’), а в четвертой главе – так называемые визуальные поля (поля ‘острый’, ‘толстый’ и ‘тонкий’), структура которых покрывается в том числе и периферийными жестами. Такое распределение материала представляется вполне обоснованным. Оно обусловлено прежде всего глобальными различиями между ядерными и периферийными жестами. Первые, как правило, не меняют свою форму в разных контекстах, имеют однозначную интерпретацию в изолированном употреблении, а их структурные компоненты не обладают собственным значением. Форма вторых, напротив, изменчива, зависит от контекста, и при этом каждый компонент жеста является семантически нагруженным. Важным достоинством диссертации является большое количество иллюстраций.

Тот факт, что жестовые языки в своих фундаментальных чертах сходны со звуковыми языками и могут изучаться на тех же основаниях, уже установлен на материале разных жестовых языков. С полной очевидностью он открывается и из исследованных М. В. Кюсевой фактов, показывающих, что организация лексики в языке визуальной модальности сопоставима с лексическими системами звуковых языков. Так, структура признаковых полей ‘тупой’, ‘тяжелый’, ‘мокрый’ в РЖЯ обнаруживает типологические параллели в звуковых языках. Структура поля ‘старый’ в РЖЯ, хотя и не является характерной для звуковых языков, тем не менее, укладывается в семантическую карту, разработанную для этого поля на материале звуковых языков. С другой стороны, жестовые языки обладают и спецификой, обусловленной эффектами визуальной модальности, и это тоже отчетливо

демонстрирует исследование М. В. Кюсевой. Например, жесты РЖЯ со значениями ‘мокрый’ и ‘влажный’ различаются количеством пальцев, участвующих в конфигурации руки, что иконически соотносится с количеством влаги в объекте (с. 118-128). При выражении признака ‘острый’ используются разные лексемы не только в зависимости от топологического класса объекта (объекты с тонким краем / острым кончиком), что встречается и в звуковых языках и ожидаемо для языка визуальной модальности, но и от объемности/необъемности объекта (с. 150).

Диссертация М. В. Кюсевой отличается научной новизной и имеет большую научную и практическую значимость. Помимо того, что вней впервые предметом лексико-типологического исследования стали данные РЖЯ, в работе анализируются такие лексические поля, которые ранее вообще не рассматривались на материале жестовых языков. При этом в исследовании используется фреймовый подход, ранее не применявшийся при анализе лексики жестовых языков. Автор наглядно демонстрирует не только возможность использования этого подхода применительно к языкам визуальной модальности, но и его преимущества или даже необходимость применения при анализе определенных групп жестовой лексики. Важным теоретическим вкладом исследования М. В. Кюсевой в лингвистику жестовых языков является то, что в нем убедительно показана принципиальная возможность включения в лексико-типологические исследования периферийных жестов. Эти жесты представляют собой уникальные единицы, не имеющие аналогов в звуковых языках. У лингвистов до сих пор нет единого подхода к их квалификации. Поскольку периферийные жесты могут принимать разную форму в разных контекстах, а их компоненты обладают значением и характеризуют объект сразу по нескольким параметрам (например, форме, ориентации, локализации и т.д.), не всегда ясно, что считать одной лексемой и к какому семантическому полю относить такой жест. В связи с этим некоторые исследователи квалифицируют периферийные жесты как визуальные образы, не входящие в систему языка, и, как следствие, не считают возможным их сравнение с лексическими

единицами звуковых языков. М. В. Кюсева в своей работе следует подходу Скотта Лидделла, согласно которому периферийные жесты включают как лексически устойчивые компоненты, которые образуют закрытый список и хранятся в ментальном лексиконе носителей языка, так и дополнительные, обладающие значением градиентные формальные признаки, которые создаются в момент речи и образуют открытый список. Она показывает, что для того, чтобы поместить периферийный жест на семантическую карту для сопоставления с другими жестами или словами звуковых языков необходим учет только его лексически устойчивых компонентов. При этом периферийные жесты требуют по сравнению с ядерными жестами дополнительных методов сбора и презентации данных. Очень интересны важны наблюдения о функциях немануальных компонентов в структуре жестов, принадлежащих к разным лексическим полям. Например, показано, что жесты рта (губные жесты в терминологии автора) в составе периферийных лексем, принадлежащих к полю ‘острый’, являются семантически пустыми, а в периферийных лексемах, описывающих признаки размера, не только семантически нагружены, но и являются основным компонентом, передающим значение размера. Этот факт открывает новое направление для исследований, заключающееся в изучении взаимодействия семантики отдельных компонентов периферийного жеста.

В последние годы русский жестовый язык все активнее используется в области среднего профессионального и высшего образования, при этом остро ощущается нехватка качественных учебных пособий, разработка которых невозможна без опоры на серьезные лингвистические исследования. Результаты диссертационного исследования М. В. Кюсевой несомненно найдут применение при создании таких учебных пособий.

Замечания к работе носят частный характер. При обсуждении признакового поля ‘тяжелый’ М. В. Кюсева высказывает предположение, что жест ТЯЖЕЛЫЙ₁ представляет собой калькирование соответствующего русского слова, поскольку имеет сходную с последним семантическую структуру и сопровождается маусингом. Разным происхождением лексем, по мнению

автора, объясняется и смешанная структура поля ‘тяжелый’. На мой взгляд, гипотеза о происхождении жеста ТЯЖЕЛЫЙ₁ все же требует более весомой аргументации. В противном случае стоило бы предложить и какое-то альтернативное объяснение стратегии лексикализации данного поля. Маусинг часто сопровождает и некоторые исконные жесты РЖЯ (см., например,[Bauer 2018]¹), а наличие у жеста набора значений, совпадающего с набором значений у соответствующего русского слова, может являться результатом независимого развития, хотя и по типологически сходному пути. Например, жест РЖЯ ЗЕЛЕНЫЙ употребляется также в значении ‘молодой’, совмещение данных значений в одной лексеме зафиксировано и для некоторых звуковых языков. Термин «губные жесты», используемый в работе в качестве аналога англоязычного термина «mouthgestures», представляется не очень удачным, поскольку к данным жестам относится не только движение губ, но и, например, артикуляция язычных согласных [ʃ], [x] и др., различные положения и движения языка и т. п. Вероятно, более подходящим был бы термин «жесты рта», принятый в статье [Бауэр 2018] и учебнике [Буркова, Киммельман 2019].²На с. 34 автор пишет: «В согласующихся глаголах начальная точка движения обозначает субъект, а конечная объект». Это не всегда так. В литературе, посвященной согласованию в жестовых языках, как правило, упоминаются и глаголы с так называемым обратным согласованием (backwardagreement), у которых начальная точка движения соответствует объекту, а конечная субъекту действия. Подобные глаголы имеются и в РЖЯ, например, ПРИГЛАШАТЬ. На с. 42 автор пишет: «В настоящее время зафиксировано около 12 деревенских жестовых языков», не указывая при этом источника данных сведений. Тем не менее, в базе данных Glottolog на 2018 год (<http://glottolog.org/resource/languoid/id/vill1244>) перечисляются 46 зафиксированных жестовых языков этого типа. На с. 43 в числе наиболее

¹Bauer A. How words meet signs: A corpus-based study on variation of mouthing in Russian Sign Language // A. Bauer, D. Bunčić (eds.), *Linguistische Beiträge zur Slavistik*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2018. Pp. 9–35.

²Бауэр А. Артикуляция слов в русском жестовом языке (РЖЯ) // S. Kempgen, M. Wingender, L. Udolph (Hrsg.), *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress, Belgrad 2018*. Band 63. Wiesbaden: Harrassowitz 2018. 35–44; Буркова С. И., Киммельман В.И. (ред.), *Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: Учебник*. Новосибирск, 2019 (в печати).

известных деревенских жестовых языков упоминается никарагуанский жестовый язык, однако этот язык относится не к деревенским, а к так называемым городским жестовым языкам (известным также как жестовые языки сообществ глухих). На мой взгляд, стоило бы смягчить категоричность формулировок, касающихся калькирующей жестовой речи: «Наряду с русским жестовым языком, в России до недавнего времени была распространена еще одна система мануальной коммуникации – “калькирующая жестовая речь”» (с. 44); «КЖР не передает словоизменительных морфем» (с. 45). В некоторых сферах, в частности, в образовании, калькирующая жестовая речь широко используется и сейчас, многие носители РЖЯ в определенных условиях коммуникации (например, при общении со слышащим) переключаются на калькирующую жестовую речь, и для последней как раз характерна передача при помощи дактилизации словоизменительных морфем русского языка (многочисленные примеры можно найти, например, на разработанном в ИПУ РАН сайте Сурдосервер (<http://www.surdoserver.ru>)).

В работе имеется незначительное количество опечаток: «ас-сайдский жестовый язык» (с. 43), «Привещенцевой (сноска 15 на с. 74), «у него были тугие ящики» (с. 102), «сгибаются в запястьи» (с. 135).

Высказанные замечания нисколько не снижают общую высокую оценку диссертационного исследования М. В. Кюсевой. Автореферат и публикации автора с достаточной полнотой отражают основное содержание диссертации.

Диссертация М. В. Кюсевой «Физические свойства в русском жестовом языке в типологическом освещении», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для соответствующей области знаний. Диссертация полностью соответствует требованиям, изложенными впп. 9, 10, 11, 13, 14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от

24.09.2013 г. № 842, а автор диссертации, Мария Викторовна Кюсева, несомненно засуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Рекомендуется публикация исследования в виде монографии.

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры филологии факультета
гуманитарного образования ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный
технический университет»

С. И. Буркова

15 января 2019 г.

Сведения об оппоненте:

Светлана Игоревна Буркова, кандидат филологических наук
(специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание), доцент
burkova_s@mail.ru, burkova@corp.nstu.ru
630099 Новосибирск, ул. Серебренниковская, 37, кв. 53
Тел. + 7 9059587234

Сведения об организации:

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»,
факультет гуманитарного образования, кафедра филологии
630073 Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20, корп. 6, кафедра филологии
Тел. (383)3460891

